

Цивилизация и варварство в истории России *

Статья 4. Государственная власть и «блатной мир»

В российском обществе варварская стихия присутствует еще в одной форме — маргинальной. Это самый «чистый» пласт архаики и варварства, предельно противоположный современному типу государства и цивилизации.

В своей феноменологии маргинальное варварство необозримо. Здесь нам открывается широчайшее пространство, на одном полюсе которого находится спившийся бомж, собирающий пустые бутылки и подворовывающий на рынке, а на другом — респектабельный «авторитет» преступного мира, разъезжающий в бронированном лимузине. Общим для них признаком является паразитарность. Маргинальный варвар либо присваивает чужую собственность, либо навязывает свои услуги и требует за них «плату» (охрана, покровительство, разбор конфликтов), либо создает такие товары и услуги, функционирование которых разрушает общество (наркотики, оружие, заказные убийства, шантаж, контрабанда и т. д.). Маргинальные варвары — чисто деструктивное, паразитарное образование. Существование общества в целом, в том числе и исследуемого нами слоя, возможно лишь тогда, когда воздействие асоциального блока не превышает некоторый критический порог. Превышение последнего ведет к распаду социальности, который, как правило, завершается установлением жесткой власти, уничтожающей авангард преступного мира и ограничивающей пределы его влияния.

Внутри исследуемого слоя можно выделить два пласта и, соответственно, две стратегии — *пассивно паразитарную* и *активно хищническую*. Первый пласт — бомжи, профессиональные нищие, гадалки и т. д. — сравнительно безобидное явление. Применительно к нему можно говорить о дезадекватности — психогенной, социогенной, культурной, о неспособности к полноценной жизни в обществе. Помимо алкогольной деградации и психической неполноценности — объективных и, к сожалению, вечных каналов пополнения данной группы — внутри паразитарного слоя источником маргинальности становятся носители архаического типа сознания. В пассивно-паразитарном слое оседает, накапливается «взбитый» процессами культурной динамики человеческий материал, который по своим интеллектуальным и психическим ресурсам неспособен жить в изменившемся мире.

---

* Продолжение. Начало см. «ОНС», 1995, № 4, 6; 1996, № 3.

¹ Особый случай — этнокультурная специализация, осваивающая паразитарную стратегию как нишу, например цыгане.

Вторая — активно хищническая стратегия внутри маргинального слоя несет самую большую социальную опасность². По существу, активно хищнический пласт маргинального слоя ведет постоянную войну с обществом. Причем по своей природе активно хищнический пласт — глубоко варварский феномен. К нему применимы как общие, сущностные, так и частные признаки варварства.

Преступный мир характеризуется принципиальной ориентацией на «расточение» цивилизационного ресурса. Паразитическое отношение к обществу и существование противостоят цивилизации также сближаются со стереотипами варварства. Механизмы структурирования преступного мира и его культура являются собой почти чистую кальку варварского универсума. Деятельность преступника — тайное или явное изъятие чужой собственности — по своему генезису восходит к племенному быту. Это не что иное, как неизжитый реликт догосударственного существования человека. Преступный мир самоорганизуется в архаические жесткие структуры — банды, преступные группы, «семьи», кланы. Зрелая преступная группа имеет достаточно сложную структуру, включающую лидера, сублидера, трикстера (провокатора), основную массу — «бойцов» и «периферию» или внешний пояс. Такая система порождает целостное пространство социального бытия. Иными словами, это древнее, чрезвычайно устойчивое социокультурное целое.

Преступный мир рождает свой этос, в котором легко узнать этос *война-варвара*. В него входят: культ физической силы, презрение к боли и смерти, презрение к карам, которыми общество грозит преступнику; обладание оружием как атрибутом полноценного мужчины, презрение к мужику, пахарю, «фраеру», т. е. человеку цивилизации, в трудах зарабатывающему хлеб насущный; жгучую ненависть к «ссучившимся», т. е. предавшим воровской мир и перешедшим на сторону государства. Настоящая, достойная мужчины жизнь — жизнь воровская, т. е. жизнь хищника. Высшая моральная доблесть состоит в верности воровскому закону, в презрении к карам и «ментам» — противостоящим вору агентам государства.

В криминальной культуре огромное место занимает *культ прожигания жизни*, «расточения» награбленного. Настоящий вор живет так, что пришедшие к нему деньги мгновенно развеиваются в «красивых» загулах, разбрасываются прихлебателям, раздаются лицам низшего ранга. В этом и состоит праздник бытия, момент самоосуществления и самоутверждения настоящего «блатного». Напор и интенсивность процесса «прожигания» определяют вес человека, его престиж. Существование вне практики развеивания по ветру доставшегося цивилизационного ресурса достойно презрения. Здесь легко узнать распределение по принципу обычной «поглатч». Очевидна телеология такой установки. Культ расточения блокирует формирование собственника и рождение нормальной социальности. Настоящий мужчина «идет на дело», стремительно прожигает награбленное и снова «идет на дело». Наконец, в воровской культуре огромна роль «воров в законе» — людей, воплощающих ценности преступного мира и доказавших своей жизнью верность этим ценностям. Воров в законе, прошедшие особое посвящение, — признанные патриархи и авторитеты. Они разрешают конфликты и осуществляют присмотр за жизнью преступного мира.

Если задаться вопросом: что за явление раскрывается перед нами, ответ очевиден — классическая *военная демократия* периода расцвета до вступления ее в кризис, связанный с упадком демократического начала и утверждением наследуемой княжеской власти.

В идеальных образах «вора в законе» мы легко узнаем Свенельдов и Святославов, Сфенкелов и Икмаров. Людей сильных, безжалостных и справедливых в том смысле, как понимал справедливость варвар-дружинник, бесстрашных и

² В средневековой Европе и традиционных обществах Востока нищие — вполне легитимный, освященный религиозными традициями слой общества. Паразитарная стратегия осознается как социальная опасность лишь с началом модернизации. В отличие от этого преступность всегда и везде трактуется как социальная опасность.

готовых к смерти, защитников тех, кто стал под их руку, и грозу тех, кто осмелился пойти против. Дух преступного мира заставляет вспомнить о эпохе киевского язычества.

С точки зрения культуролога, особый интерес представляет тюремный мир. Культура «зоны» отсылает нас не только к варварству. Тюремная субкультура — незаслуженно обойденная вниманием этнографов сфера глубочайшей архаики³. Она представляет собой очищенный от последующих наслоений костяк архаической культуры. Культура тюрьмы строится вокруг смысловой оси сакральное-профанное, верх-низ, тотем-табу. *Верхнее*, сакральное пространство воплощается в безличном воровском (применительно к зоне — тюремном) законе. Символом *нижнего* пространства выступает «параша» (отхожее место), которая распространяет свои негативно-табуирующие смыслы на все с ней связанное. Сакрально выделенное пространство в камере — стол, место совершения трапезы. Структура культуры строится на территориальном и временном разведении сакральных, связанных с актом поедания и табуированных, соотносящихся с актом метаболизма моментов и феноменов. На параше нельзя сидеть. Используя парашу, нельзя курить или сосать конфету. В момент использования параша в камере нельзя есть, и, соответственно, наоборот. В тюремной культуре табуируется все, что имеет какое-либо отношение или семантически связано с актом метаболизма. К параше, воплощающей метаболическую функцию человека, территориально привязывают париев — «козлов». Их спальное место у параша. Таким образом, сфера табуированного территориально и во времени разводится со сферой культурно приемлемого.

Культура тюрьмы создала чисто *первобытное табу* — «западло». Это архаическое табу качественно отлично от моральных или правовых запретов в культуре большого общества. В определенных случаях нарушение этого табу, в том числе и случайное, автоматически ведет к утрате нарушителем своего статуса и переходу его в касту париев. Человек, который случайно, по незнанию, сел на стул, который используется париями, «зашкваривается», т. е. становится парией. Если «козел» скрыл свой статус и в новой камере сел за общий стол, то все, кто находился за этим столом, автоматически становятся «козлами». Здесь мы сталкиваемся с *контагиозной магией*. Статус неприкасаемого передается через простое прикосновение или прикосновение к одному предмету.

«Зона» постоянно формирует архаические по своей природе ритуалы, систему табу и предписаний, которые регламентируют всю жизнь заключенного. К примеру, надкусанный в общей столовой кусок хлеба нельзя унести в камеру. Целый кусок хлеба следует завернуть в бумагу и положить в карман и т. д.

«Зона» формирует жесткую кастовую структуру. В этой иерархии высшая по статусу группа — блатные, низшая — «опущенные» («петухи», «козлы», «обиженные»). Кроме того, существуют промежуточные иерархические группы — «бойцы», «мужики». Характерно, что утверждение в кастовом статусе, особенно для самой высшей и низшей групп, закрепляется, как правило, специальными ритуалами.

С тюрьмой связан такой яркий элемент архаической культуры, как татуировка (наколка). Наследие глубочайшего прошлого, доживающее в культурах первобытных племен, татуировка в основном изжитая в большом обществе. Помимо блатного мира традиция татуировки может быть зафиксирована в единственной профессиональной группе — у моряков. (Правда, в последнее время эта традиция подражательно воспроизводится в молодежной субкультуре.)

Можно упомянуть еще об одном, не мене ярком явлении, рожденном культурой мест заключения, — членовредительстве. Ритуальные формы членовредительства обнаруживаются во многих ранних культурах. И сейчас ритуальные самоистяз-

³ В советское время эта тема была закрыта. В последние годы наблюдается всплеск публикаций. Издаются словари жаргона, справочники по ГУЛАГу, «зековская» мемуаристика. Появился ряд этнографических публикаций. Масса материалов рассеяна в периодической печати.

зания и самооскопления практикуются во время религиозных праздников в некоторых сектах исламского мира. Именно в этом контексте следует воспринимать описанные в литературе случаи зашивания заключенным рта ниткой, практику ломать руки и кидать оторванный обломок руки в отправляемый «на волю» состав

леса, о чем рассказывали зеки сталинской поры. Из последних примеров можно указать на моду, сложившуюся за пределами нашей страны, но в близкой культуре. Как сообщает пресса, с марта 1994 года в румынских тюрьмах практикуется вбивание гвоздя в череп. Ржавый гвоздь обмазывается собственными экскрементами и вбивается в череп с помощью металлической кружки [1].

Тема параллелей культура «зоны» — культура архаики далеко не исчерпана. Можно было бы описать ритуалы инициационных испытаний, которым подвергаются новичков («прописка»). Они также отсылают исследователя к глубокой архаике и раскрывают семантику тюремного мира, осмысливаемого как особый, специфически мужской мир, сакральное пространство, задающее культурный статус человека.

Подведем итог. «Зона» — ничто иное, как пространство, где главенствуют модели культуры и социальности *каменного века* и самой ранней стадия государственности. Этот материк живет в теле российского общества, пропуская через себя пугающе большой процент граждан.

Отметим одну особенность нашей культуры. Обыденный язык буквально пронизан языком «зоны». Авторитеты, параша, западло, шмон, ксива, вертухай — все это вошло в русскую речевую практику. И это далеко не случайно. Перед нами

более чем наследие тоталитарного режима. Общество *болеет* «зоной». Феномен тюрьмы несет в себе особую, завораживающую притягательность. Такая притяга-

тельность амбивалентна, здесь присутствуют и страх, и тяга. В основе этого феномена лежит некий резонанс. «Зона» раскрывает *подсознание* общества. Выявляет мощь неизжитых раннеархаических слоев ментальности, которые актуализируются, реагируя на соответствующую феноменологию. На самом деле «зона» — один из ликов бытующей в русской народной культуре утопии Опонского царства. И тот факт, что *сознание* обычного массового человека откажется с этим согласиться, указывает на его конфликт с собственным подсознанием, которое заставляет неоправданно часто прибегать к словам и образам из, казалось бы, отторгаемой реальности⁴.

Говоря о традиционном отношении к тюрьме, нельзя не упомянуть мифологию

страстотерпчества, пакет культурных смыслов, связанный с представлением о сакральности, богоотмеченности всех тех, кто «претерпел», и парадоксальные отголоски мироотречной традиции. Так суммарная семантика зоны, складывающаяся на пересечении преступной и большой культуры, обретает зыбкие очертания. То ли храм, то ли мужской дом и поле инициации, то ли монастырь, то ли обернувшаяся страшным ликом Земля обетованная.

О культуре «зоны» можно высказать следующее соображение. Известно, что поставленные в стрессогенные условия изолированные группы людей склонны выстраивать жесткие и достаточно примитивные, а значит, и архаичные структуры. Исходя из этого, культуру тюрьмы можно подвергать к некоторым универсальным характеристикам социогенеза. Однако практика взаимоотношений между заключенными в немецких концентрационных лагерях в период Второй мировой войны заставляет уточнить это положение. По воспоминаниям очевидцев известно, что там складывалась более «человечная» реальность, чем

в советских лагерях. Это означает, что дело не в колючей проволоке. То обстоятельство, что российские граждане, попав в тюрьму, устойчиво воспроизводят архаические общественные структуры, свидетельствует о силе этих скрытых тенденций в нашей культуре.

⁴ Для блатного тюрьма — храм, и тому есть объективные свидетельства. Сюжет распространенной наколки — церковь с несколькими куполами — получает следующее объяснение. Тюрьма осознается как храм, а количество куполов соответствует числу отсидок («ходок»).

Специального внимания заслуживают принципы организации преступного мира, логика межгруппового взаимодействия, общие тенденции развития системы, включающей как асоциальный слой, так и большое общество. Здесь требуются теоретический подход и серьезный, выходящий за рамки публицистического пафоса анализ этих процессов, ибо развитие преступного сообщества вышло за любые мыслимые пределы, отпускаемые для социальной периферии, и превратилось в значимый фактор общественного развития.

В истории советской России преступные группировки существовали постоянно. Они могли быть сильнее или слабее, более или менее структурированы, но они не исчезали никогда. Эти группировки всегда были склонны закреплять за собой «подведомственную» территорию. Так страна делилась на сферы влияния отдельных «семей». Местный лидер всегда был заинтересован в минимизации конфликтов с правоохранительными органами, отвечающими за «его» район. Этого можно было достигнуть, соблюдая некоторые неписанные правила игры⁵. Вместе с тем территориальные структуры преступного мира постоянно взаимодействовали между собой. В ходе такого взаимодействия каждый человек и отдельные группировки постоянно подтверждали и уточняли свой иерархический статус, а вместе они вырабатывали принципы и традиции «разборок», т. е. разрешения конфликтов. Иными словами, преступный мир формировал собственную социальность и жил по своим законам. Наряду с «нормальной» преступностью периодически возникали не признающие никаких законов «дикие» группировки — «отморозки», наезжали «гастролеры» и т. д. В устойчивую жизнь преступного сообщества постоянно вносились опасные возмущающие воздействия. Это требовало высокой степени консолидации и эффективных методов самоорганизации. Надо сказать, что преступный мир демонстрировал устойчивость, системность, способность адаптироваться к изменяющимся условиям.

По мере созревания и разложения советского общества вне номенклатуры в структуре обираемых слоев последовательно рос удельный вес «нелегально состоятельных» лиц. Речь идет о представителях параллельной экономики. Это цеховики, работники торговли и сферы обслуживания, спекулянты, владельцы подпольных авторемонтных мастерских и т. д. И бизнес, и имущественный статус этих людей были нелегальными и не защищались законом. Они оказывались объектами «наездов», ограблений и поборов. Для лидеров теневой экономики оставался один выход — найти общий язык с местным «авторитетом» или «стать под крышу». Такова была логика событий.

Если объектом преимущественной эксплуатации преступным сообществом являлся нелегальный бизнес, то устойчивым противником — правоохранительные органы. Но как все структуры, живущие в условиях устойчивого позиционного противостояния, преступный мир и правоохранительное сообщество находятся в состоянии «диалектического взаимодействия». Их борьба есть не что иное, как особая форма *диалога*, взаимовлияния, проникновения одного в другое. Такая ситуация всегда несет в себе интенцию к снятию противостояния, к сближению позиций и срастанию. Социальные роли, диктующие непримиримое противостояние, могут превратиться в ширму, за которой зревают согласие по широкому кругу вопросов и многообразное сотрудничество бывших противников.

⁵По существу, эти правила отвечали объективным интересам преступного мира и сводились к требованию находиться в тени, не будоражить общественное мнение чрезвычайными эксцессами «брать с умом».

Преступное сообщество и правоохранительные органы (как часть госаппарата) в конце концов способны договориться, взаимоувязать интересы и стратегию поведения по самому важному для них вопросу: относительно объекта преимущественного обирания, квот, методов и принципов «стрижки шерсти». Дело в том, что по мере развития параллельной экономики госаппарат так же превращает подпольный бизнес в объект обирания. Чиновники быстро осознали, что деньги, которые можно было «содрать» с теневых дельцов, не идут ни в какое сравнение с копейками, которые они могли получать путем лихоимства и мздоимства за счет простых тружеников. ОБХСС, участковые милиционеры, торговая инспекция, санинспекция, Котлонадзор, исполкомы, ГАИ и многие другие мелкие и средние нахлебники кормились вокруг любого частного предприятия.

На более высоком уровне, где выдавались лимиты на сырье и оборудование, закрывались глаза на нарушения законов и гасились эксцессы, приходилось платить, платить и платить. Чиновничье обворовывание частного предпринимательства формировалось параллельно с криминальным отчуждением части дохода. Таким образом, складывался механизм криминального перераспределения сверхприбыли частного бизнеса по двум каналам — в госаппарат и в преступное сообщество. Естественно, за эти деньги теневая и легальная ветви власти брали на себя определенные функции по защите, обеспечению, снятию конфликтов и т. д. Формирование мафии началось задолго до перестройки, которая лишь эксплицировала его и вывела на новые горизонты. В результате срастания бизнеса, существовавшего вне закона, криминального, разложившегося госаппарата и криминального сообщества в стране сложился слой, сочетающий функции власти и собственности. В общеисторической перспективе становление мафии было конкретной формой распада и архаического перерождения советского общества. Вопреки либеральным иллюзиям это общество перерождается в криминально-бюрократическуюолигархию латиноамериканского типа.

Нарисованная картина требует комментариев. Прежде всего, перед нами далеко зашедший процесс «*приватизации*» государства. Существует категория обществ, в которых чиновник органически не способен жить на свою зарплату и только тотальный террор может удержать основную массу чиновничества в определенных рамках. Тенденции к приватизации государства — атрибут *архаизированных* обществ, где синкретизм массового сознания не распался и социальная функция не отделима от личности. Кресло и начальник едины, а каждый начальник есть тотем, священный символ власти определенного масштаба. Как только террор сходит на нет, «начальник» начинает (как и полагается тотему) сосредоточивать всю полноту власти и благ в пределах ведомственного подчинения.

Такое поведение представляется естественным и чиновнику, и массовому человеку, ибо все начальство есть *континуум божественных эманации*, сумма божков и разного масштаба идолов вплоть до последнего околоточного. И если высшие власти владеют всей страной, то божки низших рангов владеют ее частями на своем уровне. В противном случае чиновники не «начальство», а платные служащие, агенты центральной власти, что есть чистая административная *утопия*, не выполнимая в реальности архаического общества. Реализации этой утопии противостоит изоморфизм культурного сознания, ибо мелкие идолы должны быть изоморфны главному. Именно поэтому все архаические тирании быстро вырождаются в чиновничью олигархию.

По той же причине вслед за эпохой сталинского террора с необходимостью наступила эпоха «*приватизации государства*». Директора приватизировали заводы, чиновники — свои функции. Преступный мир использовал этот процесс благодаря особенностям советской идеологии и традиционной культуры общества. «Приватизация» социалистического государства противоречила официальной идеологии, советским законам и, что самое главное, массовой ментальное™, которая жила административной утопией. Массовый человек мечтал о честных чиновниках и ненавидел любого «богатея», «торгаша», видя в нем, а не в совет-

ской власти, не в системе, вора, эксплуататора и виновника своей нищеты. В таком моральном климате любой бандит мог со спокойной душой грабить и облагать поборами всякого предпринимателя.

Здесь я касаюсь еще одной темы: сущностного единства власти «дневной» и власти «ночной». Вопреки якобы непримиримому противостоянию и качественно-му различию эти феномены едины по своей природе. И партократию, и преступный мир объединяет феодально-хищническое отношение к населению как к быдлу, созданному для обирания. Их объединяют органическое неприятие права и тяга к кланово-клиентельным отношениям. Если перейти к более глубоким обобщениям, то и партократию, и «криминалитет» объединяет органическое отторжение процесса распада социокультурного синкрезиса и всех сопровождающих его феноменов — правового общества, либеральной демократии, автономной личности и социальной базы ее автономии, т. е. института частной собственности. Сущностное единство указанных социальных субъектов вырастает из одного источника — архаического сознания.

Обе названные силы стремились к тому, чтобы прервать советскую утопию, т. е. закрепить и легализовать свои властно-имущественные статусы. Но одновременно они противостояли распаду синкрезиса. Совместными усилиями они блокируют процессы утверждения частной собственности и правового общества и двигают страну к внеправовой, пронизанной коррупцией олигархией⁶. В этой перспективе наблюдаемое срастание госаппарата и «криминалитета» есть *процесс самоорганизации* традиционного социокультурного целого, в ходе которого нащупываются приемлемые для традиционной ментальности формы социальных отношений в условиях распада идеократии. Мафиозизация общества сохраняет неразрывную связь власти и собственности⁷.

***

Если вернуться к основной теме нашего исследования и рассмотреть происходящие процессы с позиций цивилизационного критерия, то надо признать, что за последние 30 лет преступное сообщество пережило глубочайшую эволюцию. Суть ее состоит в том, что чисто паразитарная, догосударственная стихия преступности классической советской эпохи перешла некий рубеж и трансформировалась в криминальную форму социальности. Варварская стихия преступного мира породила уродливое, криминальное, но *государство*⁸. Современная мафия не только перешла от дикого хищничества к последовательному «полюдию», но и активно берет на себя широкие социальные функции. Сегодня охраняет бизнесменов от «дикого» бандитизма и улаживает проблемы в отношениях предпринимателей с госаппаратом, выступает третейским судьей в конфликтах. Завтра лидеры преступного мира будут утирать слезы обиженных вдов и диктовать нормы «справедливости» всему обществу.

⁶ Важно подчеркнуть, что эти силы действуют рука об руку. Легальная власть формирует такую законодательную и налоговую политику, которая блокирует становление некриминального бизнеса. Далее, власть устраняется от исполнения карательных функций и тем самым отдает нарождающийся бизнес в руки криминалитета. В результате выживают лишь предприниматели, которые приняли правила игры двух этих ветвей власти.

⁷ Присущий советской эпохе синкрезис был еще полнее и объединял властные, имущественно-распорядительные и идеологические функции. По мере вырождения советской модели имущественно-распорядительный статус все более преобразался в феодальную собственность, а идеологическая функция отпала.

⁸ Возникновение социальности и в конечном счете государства из территориально зафиксированной преступности описывает так называемая теория стационарного бандита.

Самоустранение государства ведет к закреплению функции социального регулирования в руках мафии. Этот процесс легитимирует организованную преступность в глазах населения, расширяет ее социальную базу и сдвигает общество в русло тупикового развития. В парадоксальной ситуации постсоветского периода классическая банда стремится занять место *структурообразующего элемента* в социальной системе общества. В этой перспективе лишь принадлежность к преступной группировке будет задавать статус индивида и давать ему хотя бы некоторые гарантии сносного существования. Легко осознать, что такая модель означает смерть гражданского общества и воспроизводство ситуации *раннего феодализма*. Реализуется ли подобная апокалиптическая перспектива — покажет время. Важно осознать, что она вызрела в ходе *естественного* саморазвития советского и постсоветского общества.

Описанные процессы иллюстрируются разительными переменами, которые произошли в культуре преступного мира. В сегодняшней преступной среде отчасти угас культ тотального расточения награбленного. Представители нового поколения преступников не отказывают себе ни в чем, живут широко и «красиво», но при этом откладывают и наращивают капитал. В классическую эпоху «вор в законе» был чем-то вроде монаха. Условием обретения и сохранения статуса вора была полная асоциальность. Любые, даже случайные отношения в структуре власти (членство в комсомоле) закрывали перед человеком дверь в «блатной мир». Блатной не имел права сотрудничать с властью ни в каких формах. «Вор в законе» не мог иметь семью.

Авторитетный вор отчасти напоминал теократического правителя. Как жрец, он был наделен безусловной властью в рамках традиции, авторитетом, судебными и распорядительно-распределительными функциями. Последние касались «общака», т. е. нелегального фонда взаимопомощи заключенных. Сегодняшний «вор в законе» имеет семью и детей, счета в российских и зарубежных банках, возглавляет собственные фирмы, сотрудничает с властью предержавными, а в последние годы обнаружил активный интерес к политике. Не так давно сложилась немыслимая прежде практика покупки статуса «вора в законе». Покупка за деньги того, что прежде могло подкрепляться лишь силой и безусловным «моральным» авторитетом, наглядно свидетельствует о кризисе военно-демократического начала и об утверждении новых социальных отношений, опирающихся на *имущест- венный статус*⁹.

Специальный сюжет в процессах становления организованной преступности — эволюция «общака». Создание «общака» «на подогрев зоны» и в целом на нужды преступного мира стало одним из оснований при обирании предпринимателей. Относительно скромный «общак» прошлых десятилетий превратился в огромные суммы, которые оказались в распоряжении элиты преступного мира. На фоне этого естественно шел процесс перерождения распорядительно-распределительных функций в частную собственность распорядителей. Здесь стоит отметить поразительную синхронность процессов, происходящих в двух ветвях общества. В то время, когда официальная идеология преследовала цель построения бесклассового общества, российская преступность отработывала доклассовые модели. Разница была, скорее, в масштабах. Политбюро распоряжалось «общаком» под названием госбюджет, сходы «авторитетов» — значительно более скромными ресурсами. Однако и партократия, и криминальный мир одновременно и, если угодно, совместными усилиями изжили советскую утопию и подошли к порождению семьи, частной собственности и государства. Этот факт наводит на ободряющее соображение, которое сводится к тому, что «крот истории хорошо роет».

⁹ Перед нами типичная паллиация. Еще не родилось нового, выражающего сегодняшние реалии титула. «Воры в законе» не стали графами или баронами, но они уже получают высший ранговый статус, опираясь на реальную власть — власть денег.

Еще одно соображение состоит в осознании системного единства социального целого, которое задает структурное подобие социального и асоциального блоков общества¹⁰.

Такова логика развития современного преступного мира. Завершая тему, выскажу некоторые соображения о природе маргинального варварства как она представляется теоретику культуры.

На протяжении всей истории в процессе воспроизводства культуры и социальности идет непрекращающийся генезис стадийно более раннего сознания, до- и раннегосударственного. Носители этой культурной типологии благодаря своей природе мало приспособлены (не способны), да и *не желают* существовать в нормальном поле цивилизации. Они избирают стратегию, историческим прецедентом которой является варварство, и объединяются в структуры варварского характера. От ранних варваров их отличают внешняя, не сущностная вписанность в современное общество, навыки общения с его реалиями от автоматического оружия до компьютеров.

По-видимому, затухающее воспроизводство предшествующих форм сознания — явление неустранимое. Оно коренится в *культурной инерции*, в том обстоятельстве, что исторически более поздние структуры культуры и психики надстраиваются над более ранними пластами. И потому иногда — как в силу особенностей микросреды, так и в рамках комбинаторной вариативности признаков — ранние уровни человеческой природы могут возобладать. Причем генезис предшествующих форм тем мощнее, чем моложе общество, чем ближе во времени отринутые формы социальности. Обращаясь к отечественному опыту, можно указать на стабильно высокий уровень представительства народов Кавказа в преступном мире. Носители культур, которые всего 100—150 лет назад вошли в пространство устойчивой государственности, nasledующие многовековые традиции раннегосударственного племенного быта, попав в современную реальность, идеально вписываются в преступные структуры.

Процессы вторичного воспроизводства архаических форм сознания и взаимодействие его носителей с обществом имеют свою диалектику. По мере утверждения и закрепления стадийно более поздних, новых форм воспроизводство атавистического сознания затухает. Более того, маргинальные группы, в которых оседают носители архаического сознания, так же переживают историческую эволюцию, от поколения к поколению все более адаптируясь к новой реальности. Логика развития этих сообществ обнаруживает движение от предельного противостояния к менее выраженной конфликтности и, наконец, к интеграции в общество. По существу, описанный процесс представляет собой дополнительный виток исторической трансформации, который носители «вчерашнего» сознания переживают в условиях цивилизации. «Большое» общество в лице преступного мира имеет бледный фантом самого себя, идущий следом, но на два шага сзади. На определенном этапе атавистическое воспроизводство полностью изжитых форм культуры затухает, а редкие случаи

¹⁰ Единство этих, казалось бы, противопоставленных частей общества коренится в ментальности. Выше говорилось об апофатической доминанте русской культуры. Вот строчки из интервью с политзаключенным 80-х годов Н. Ефремовым относительно сути тюремного закона: «А к правилам не приводят. В том-то и дело, что их никто никогда не объясняет. Эти правила нельзя вообще-то, мне кажется, выражать словами. Это как воздух, который дышишь. Ты им начинаешь дышать и узнаешь» [2]. Лучше не скажешь. Человек, погруженный в реальность тюремного мира, почувствовал и точно выразил табу на формализацию архаической нормы.

спонтанного порождения атавизма рассматриваются уже как психическая патология. Примером подобного рода служит людоедство в современном мире".

Затухающее воспроизводство атавистических форм сознания задается суммой факторов. Это и усиленное выбивание наиболее активных носителей изживаемого качества, и систематическое подавление и разрушение механизмов воспроизводства последнего. В результате социальные перспективы «людей вчерашнего дня» резко сужаются, и овладение новыми моделями жизни оказывается для них единственным способом выжить. А потому идет плавный, малозаметный процесс паллиативизации маргинальной среды, вписания в нее новых легитимных форм жизни¹².

Однако существует и более глубокий уровень, детерминирующий затухание воспроизводства атавистических форм. Как и все в культуре, атавизмы воплощены в культурном сознании и в сфере культурного бессознательного. Постоянно идущее переструктурирование ментальности ведет к тому, что стадильно предшествующий слой культурного сознания минимизируется, а новый уровень иерархии культурного целого все более доминирует и не только отодвигает, но и переструктурирует исторически предшествующее. А потому рождение людей с архаической доминантой становится все менее вероятным. Старое качество изживается на самом последнем, итоговом уровне культурной детерминации.

И, наконец, последний сюжет, имеющий отношение к варварству в целом. Выше рассматривался процесс срастания госаппарата и криминалитета, смысловая функция которого — блокировка распада социокультурного синкретиза и поиск приемлемых для архаического сознания моделей социальности. Но это лишь один из ряда процессов, которые разворачиваются на наших глазах.

Суть происходящего в следующем. Общество, сохраняющее мощные пласты архаического, несет в себе силу, автоматически блокирующую переход этого общества в новое стадильное качество.¹¹ Как было показано выше, фазовый переход (или смена цивилизационной модели с экстенсивной на интенсивную) означает, что архаически-варварский блок экстенсивного общества обречен на исчезновение. Он уничтожается в ходе модернизационных революций и религиозных войн, его воспроизводство подрывается, а остатки архаического материала отбрасываются на глубокую периферию общества, фундаментальные принципы и общий строй которого не оставляют места для архаического субъекта. С позиций архаически-варварского субстрата фазовый переход осознается как распад космоса и социальности, как конец света. А потому варварский блок общества пассионаризуется и превращается в силу, активно противостоящую всей целостности процессов, влекущих за собой фазовый переход. Большевицкая революция в России строго описывается в этой логике. И если учесть, что к 1917 году огромное большинство членов общества принадлежало к архаической культуре, победа традиций, обеспечивавших самосохранение социокультурного синкретиза, представляется неизбежной.

К настоящему времени Россия прошла еще один цикл исторического развития. Исчерпав свои внутренние возможности, коммунистическая система рассыпалась. Перед обществом открылась возможность совершить фазовый переход. И ныне мы вновь наблюдаем политическую и культурную активизацию носителей архаического сознания.

---

¹¹ Однако в критических ситуациях при резко изменившихся условиях архаическая форма социальности может оказаться адаптивной, и тогда она имеет шанс пережить возрождение. Так, хотя в культуре закрепилось жесточайшее, перешедшее на уровень биологии табу на поедание себе подобных, в русской истории людоедство как явление фиксируется при Годунове, ввремяголода 1601—1603 годов, среди осажденных поляков в Кремле в 1612 году. В XX веке людоедство имело место трижды — во время голода в Поволжье, в «голодомор» на Украине и в осажденном Ленинграде.

¹² На самом деле процесс сложнее. Подавление преступного мира расщепляет эволюцию на два потока: больший — в направлении менее вирулентных, симбиотических форм; меньший — по пути создания наиболее опасных и стойких форм. Последние изменять невозможно, их уничтожают.

Спектр этой, негативной по отношению к происходящему активности широчайший: от общего экзистенциального неприятия строя жизни в постсталинском обществе на уровне отдельного субъекта через активный и пассивный протест против происходящего до поиска альтернативных моделей социальности, идущего на всех уровнях, и энергичного организационного оформления сторонников традиционного синкрезиса.

В теоретическом плане происходит актуализация всех и всяческих идей и концепций — философских, идеологических и политических, которые могут быть использованы для идейного обоснования альтернативы либеральному развитию и выработки стратегии, консервирующей архаическую целостность¹³.

Идейная и политическая палитра носителей революционной утопии достаточно широка: от ностальгически-коммунистических и православно-монархических движений до националистических. Причем результирующая, к которой стягивается сумма этих движений, так называемая консервативная революция, или национальная правая. А попросту — фашизм.

Объективное содержание этого идейно-политического направления — сохранение целостности социального абсолюта и создание модели социальности, которая, удовлетворяя требованиям внешнего императива, в то же время сохраняла бы архаическое сознание, социокультурный синкрезис и все его атрибуты: сакральную власть, патриархальный строй отношений, империю и т. д.

Итак, архаически-варварский пласт общества выступает как существенный элемент механизма, задающего движение по кругу докапиталистических формаций и блокирующего переход общества в новое цивилизационное качество.

Подведем общий итог всех четырех статей.

Цивилизационная специфика российской культуры задает консервацию и устойчивое воспроизводство гигантских пластов архаически-варварского в системе социокультурного целого.

Эти моменты не являются чем-то относительно внешним и потому преходящим. Их бытие заложено в структуре русской культуры. Нормативно-ценностное ядро культуры, нравственный идеал, качественные характеристики ментальности таковы, что моменты варварского неизбежно порождаются, структурируются и воспроизводятся в процессе воспроизводства социальности и культуры.

Изживание (минимизация) пластов варварства и архаики возможно лишь со сменой цивилизационной модели.

Моменты варварского оказываются важным элементом, способствующим закреплению и консервации существующей цивилизационной модели. В эпохи революционных переломов они превращаются в факторы, блокирующие переход общества в новое цивилизационное качество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Московский комсомолец. 1994, 30 августа.
2. Тюремный мир глазами политзаключенных. М., 1993. С. 183.

¹³ Одна из главных надежд архаиков — экологический кризис. И хотя для специалистов — экологов, инженеров, историков, философов — очевидно, что выход из него лежит на путях качественного скачка в технологии и в культуре, носители архаической утопии уповают на то, что экологические тупики «отменяют» развитие как таковое и повернут человечество к «высшим» (в реальности архаическим) ценностям.